

кости даны не отдельные, а групповые портреты авторов, а тексты обозначены только заставками.

В главе о художественном оформлении Библии Никиты, которую написал Х. Бельтинг, мы находим немало тонких наблюдений о стиле византийской миниатюры X в. Речь идет, естественно, о типологии «Македонского Возрождения», дерзкованным произведением которого является наша Библия. Существуют десятки исследований, посвященных этому вопросу. Многие общие проблемы решены, но конкретные источники и механизм образования стиля X в. выяснены еще недостаточно. А поскольку Библия Никиты дает в этом отношении не только качественный, но и надежный хронологический материал, проф. Бельтинг высказал ценные соображения о путях возрождения «византийской античности» в искусстве Македонской эпохи.

В течение многих веков Библия увлекала равнехристианских, восточнохристианских и византийских художников, оформлявших рукописи. Уже V и VI вв. представлены лицевыми экземплярами отдельных частей Библии, такими, как Книга Бытия (остатки Коттоновой рукописи в Британском музее и Венский Генезис), Книги царств (Кведлинбургская Итала в Берлине), Евангелия (фрагмент из Синопа в Париже, кодекс в Россано и сирийское Евангелие Рабулы во Флоренции). Но примечательно, что мы не знаем полного свода библейских книг с сюжетными иллюстрациями. Такая задача в древности была, по всей вероятности, и неосуществима. К тому же особый вкус сначала к историческому, а затем к морально-этическим и пророческим сочинениям долгое время определял не полные, а частичные «издания» Библии. Такого рода рукописью является и Библия Никиты, где прослеживается излюбленное греками чтение из Ветхого завета — начиная с Псалтири до поздних пророков включительно. Возникает, однако, вопрос о том, в какой мере не только состав и графические особенности, но и миниатюры Библии Никиты воспроизводят образец эпохи Юстиниана. Появились ли авторские портреты только в рукописи X в. или они существовали в рукописи 535 г. и были затем воспроизведены художником, работавшим по заказу одного из придворных Никифора Фоки?

Собственно говоря, вся вторая половина книги является ответом на этот вопрос. Проф. Бельтинг солидарен с исследованием Г. Кавалло и убежден, что миниатюры Библии Никиты восходят к миниатюрам из рукописи VI в. Уцелевший материал подсказывает ему, что в ранних византийских рукописях Библии преобладали не сценические иллюстрации, а тип авторского портрета, миниатюры-фронтисписа, предвалявшего ту или иную книгу образом ее сочинителя. Недавнее издание миниатюр из *Sacra Parallela*, палестинской рукописи первой половины IX в., мастера которой, по заключению К. Вайцмана, использовали образцы доиконоборческого периода, ясно свидетель-

ствует об удельном весе авторского портрета в рукописях V—VII вв.: из 1658 иллюстраций в cod. Paris. gr. 923 только 402 имеют сюжетное начало, тогда как 1256 представляют из себя именно портреты, причем изображения знаменитых пророков, евангелистов, апостолов, отцов церкви и преподобных повторяются десятки раз⁴. Не приходится говорить о рукописи, подобной Библии Никиты, сложная система которой — с обширными катенами, заполняющими поля книги, — уже диктовала выбор листовых миниатюр-фронтисписов с монументальными изображениями авторов.

Все пять сохранившихся в Библии Никиты миниатюр выполнены одним художником. Единство формы, живописной манеры настолько очевидно, что не требуется специального исследования и обоснования этого факта. Но в какой мере мастеру X в. удалось воспроизвести характерные признаки и самый дух искусства времени Юстиниана?

Удачно подобранный Х. Бельтингом сравнительный материал и его отличная интерпретация дают возможность понять соотношение реплики и образца. Проф. Бельтинг верно уловил общность фигурных изображений Библии с образами искусства VI в. Полное, свежее, лишенное всякого аскетизма лицо Соломона из Копенгагенской рукописи вызывает в памяти изображение Юстиниана на мозаике Сап-Витале, а венец и подробности облачения почти такие же, как на портрете императора Феодосия, украшающем серебряное блюдо конца IV в. в Мадриде, и на портрете Юстиниана середины VI в. в Равенне. Не меньшее сходство обнаруживает изображение пророка Иеремии с вдохновенным образом Илии на синайской энкаустической иконе VI в., хранящейся в Киеве. А молодые пророки Туринской рукописи до такой степени напоминают изображения ангелов, апостолов, солдат императорской гвардии и евнухов из свиты Феодоры на равненских мозаиках, что они могли бы сойти за произведения четырехсотлетней давности. Даже декоративные признаки туринских миниатюр воспроизводят памятники позднеантичного искусства. Так, например, их перевитые обрамляющие ленты в точности повторяют аналогичные мотивы целого ряда ближневосточных половых мозаик, подобных ливанской мозаике с изображениями времен года в Лувре или мозаике с изображениями греческих мудрецов из Баальбека, перенесенной в Бейрутский музей. Наконец, и сам тип полуфигурного портрета в медальоне, определяющий изобразительную структуру миниатюр малых пророков, идет от позднеантичного *imago clipeata* — начиная с портретов умерших на римских саркофагах и кончая символами христианства на мозаиках и рельефах V—VI вв. Чтобы понять родство миниатюр Библии Никиты с искусством поздней античности

⁴ Weitzmann K. The Miniatures of the *Sacra Parallela*, *Parisinus graecus 923*. Princeton, 1979 (= *Studies in Manuscript Illumination*, N 8), p. 11.